
Юрий Ольшевский
Пружина, Дождь и Недвижение
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Юрий Ольшевский

Пружина, Дождь и Недвижение

«Автор»
2025

Ольшевский Ю.

Пружина, Дождь и Недвижение / Ю. Ольшевский — «Автор», 2025

В сердце свинцово-серого Октября, в квартире, пропитанной пылью и тлением несбывшихся надежд, живет Безымянный. Его мир — это пружина дивана, впивающаяся в бок, ритм падающих капель в консервную банку и безмолвная мудрость спящего кота. Один звонок от менеджера по счастью из мира «Вечных Сетей» нарушает привычную апатию, приводя его к стеклянному термитнику офиса. День, проведенный в наблюдении за безымянным потоком сотрудников-автоматов, открывает ему ясность абсурда и свободу от системы. Его тихий бунт — всего одно слово, нанесенное на стену, — становится безмолвным приговором и неожиданным ключом к освобождению для того, кто еще способен видеть.

© Ольшевский Ю., 2025
© Автор, 2025

Юрий Ольшевский
Пружина, Дождь и Недвижение

Квартира Безымянного дышала застарелым табачным духом, пылью временных петель и влажной кошачьей шерстью. Воздух висел густым сиропом, как чайная заварка третьего дня, пропитанная ароматом тления нереализованных понедельников. На столе – потрескавшийся гипсокартон, карта забытых империй, где границы прочерчены трещинами отсыревшей штукатурки. Розетка искрила тихой синей аритмией под грузом тройника, от которого тянулись провода – пуповины к цифровым мертвецам: умирающему ноутбуку, вечно питающему мёртвый пауэрбанк-зомби, и зарядке для Nokia 3310 – кирпича эпохи «до», пережившего падения с пятого этажа, стирку в джинсах и три апокалипсиса в виде смены тарифов.

Безымянный лежал на диване – артефакте эпохи «Ожидания светлого будущего». Пружины, уставшие держать мироздание, прогнулись в геометрию личного ада. Одна из них – стальная змея, прорвавшая барьер протёртого до трухи дерматина – неумолимо впивалась ему под лопатку. Не больно. Напоминающе. Как дзенский посох учителя, тычущий в спину ленивого ученика: «Проснись! Или смирись!» Он не шевелился. Принял пружину. Как принимают дождь за окном.

За окном – Октябрь. Не золотой, лирический. Свинцово-серый, практический. Дождь моросил – не плакал, не лил, а именно моросил. Мелкой, назойливой сеткой, затянувшей стёкла слепой акварелью. Время – восемь утра по циферблату, но вечность по внутренним часам вечного безвременья. Будильник молчал. Он умер года два назад, и Безымянный не хоронил его, оставив как мемориал напрасным надеждам и невыплаченным кредитам сна.

Кот Будда спал на подоконнике. Свернувшись в рыжий шар из шерсти, тишины и абсолютного неведения о сансаре. Его бока мерно поднимались и опускались. Хвост, как маятник остановившегося времени, свисал вниз. Иногда кончик его вздрагивал – ловил отголоски мышиных снов в стенах. Он был. Полностью. Без остатка. Его дхарма заключалась в этом подоконнике, тёплой батарее и доступе к миске с «Вискасом». Просветлённее некуда. Живой коан в меху.

Безымянный смотрел в потолок. Там, в углу, расползалось мокрое пятно. Формой напоминало то ли карту Австралии, то ли демона в профиль, пожирающего гипсокартон. С потолка медленно, с достоинством падала капля. Раз в десять секунд. Тюк. В консервную банку из-под тушёнки, поставленную на пол. Тюк. Ритм медитации. Метроном распада. Он считал капли. Досчитал до ста восьми. Начал сначала. Дышал ровно. Вдох – запах сырости, старого дерматина и кошачьего туалета. Выдох – «Ом Мани Падме Хуй». Беззвучно. Губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.